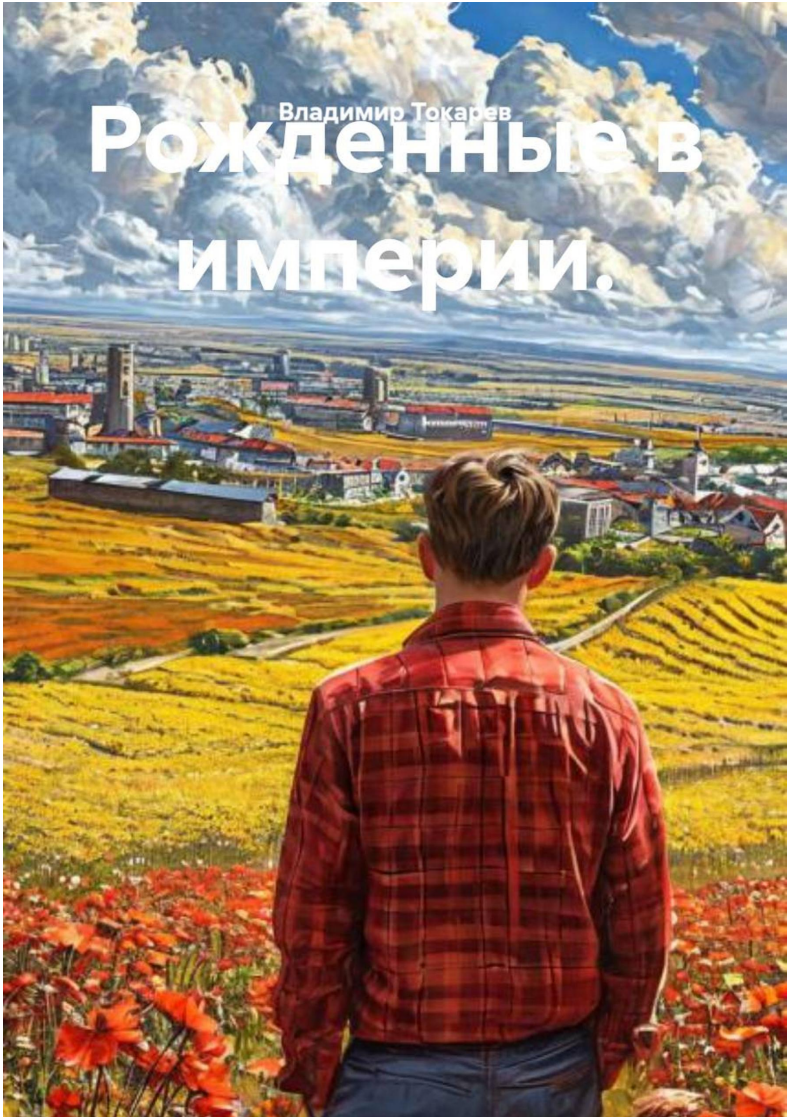
Владимир Токарев

Рожденные в империи.

Владимир Токарев
Рожденные в империи.

https://litres.ru/74019086
SelfPub; 2026

Аннотация

АННОТАЦИЯ К РОМАНУ «РОЖДЁННЫЕ В ИМПЕРИИ»

Роман «Рождённые в империи» — это не просто книга. Это голос поколения, которое застало и оттепель, и застой, и перестройку, и развал страны, в которой родилось.

Мы жили в огромной стране, где ковыльные степи Донбасса соседствовали с новостройками Таганрога, где парное молоко и хлеб из русской печи были нормой. Мы были октябрятами, пионерами, комсомольцами.

Это история о простых людях: о тех, кто верил, кто терял, кто выживал. О школьной дружбе, которая оказалась крепче любых границ. О первой любви, о расставаниях, о выборе — кем стать, когда мир вокруг меняется так стремительно, что не успеваешь моргнуть.

«Рождённые в империи» — это не ностальгия. Это попытка понять: что мы унесли из той жизни и что передадим дальше. И главное — как нам удалось остаться людьми.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 21
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Рожденные в империи.

Глава 1

Степь ковыльная, разнотравье, запахи полыни, чабреца и ещё кучи трав, названия которых знают только ботаники да бабушки Голова кружится от них, ветер знойный ласкает лицо.Вовка бежит по ковылю, как по морю, руками раздвигает серебристые, шелковые на ощупь метёлки.В детстве нет ничего вкуснее, чем вернуться с такой пробежки в прохладный дом бабушки, взять глиняную кружку с только что надоенным парным молоком. Оно пахнет коровой, летом и домом. Пьёшь его не спеша — и кажется, что сама степь тебя поит.Ближе к вечеру, когда жара спадает, Вовка бежит к балке. Там, внизу, прячется ручей, который не пересыхает даже в самый знойный август. Вода в нём холодная, пахнет тиной и прохладой. Можно сидеть на корточках и смотреть, как по дну перекатываются светлые камешки.Ни мельниц, ни грохота техники. Только стрекот кузнечиков, только бескрайнее небо, только земля, по которой ходили предки.В такие минуты понимаешь: это и есть родина. Не города, не асфальт. А степь, парное молоко, ручей в балке и бабушка, которая ждёт к ужину.

2У кого в хуторе были коровы — выгоняли их в поле. И пасли по очереди. Так уж повелось: общее стадо — общая

забота.Выходило, что раз в месяц выпадал черёд и Вовке с бабушкой стать пастухами.Казалось бы, что там: сиди себе в теньке да поглядывай. Но нет. Пастьба — это не просто «сиди и смотри».Начиналось всё затемно. Ни свет ни заря, когда петухи ещё только пробовали голоса, бабушка уже будила:— Вставай, Вовк. Скот выгонять.Спросонья хотелось зажмуриться и натянуть одеяло до подбородка. Но внутри уже загоралось что-то важное: сегодня не просто день. Сегодня он — пастух. Взрослый. Нужный.Стадо выходило со двора тяжело, сонно. Коровы переваливались с боку на бок, позвякивали колокольчиками. В воздухе пахло парным молоком, навозом и утренней росой.В степи их ждал целый день.Коровы норовили разбрестись кто куда. Одна к балке, другая к чужим посевам, третья вообще решила, что пора прогуляться до соседнего хутора. Вот тут-то и начиналась настоящая работа. Вовка бегал по ковылю, размахивал палкой, кричал:— Цыть, Зорька! Но-о, Бурёнка!Бабушка только покряхтывала, но улыбалась:— Пастух из тебя выйдет толковый.В полдень стадо сгоняли на тырло — специальное место, где коров пересчитывали, а хозяйки приходили доить. Вовка в эти минуты чувствовал себя чуть ли не главным человеком на свете. Мимо проходили тётки с подойниками, здоровались, благодарили:— Спасибо, Вовка, не дал коровушке разбрестись.И он важно кивал, хотя ноги гудели, спина взмокла, а в кармане лежал засочившийся с утра пирожок с картошкой, до которого ещё надо было добраться.Домой возвращались за-

темно. Уставшие, пропылённые, но довольные. День прожит не зря. А Вовка уже знал: пасти коров — это не игра. Это настоящая, взрослая, ответственная работа.И, засыпая, он всё прокручивал в голове: как бежал, как кричал, как бабушка одобрительно кивала. И где-то там, в степи, оставались их следы — до следующего раза.

3. ВЕЛОСИПЕД.Тот год запомнился ещё и велосипедом.Мама приехала на хутор не одна. С ней был мужчина — невысокий, в кепке, с улыбчивыми глазами. Познакомиться, значит. С собой привезли подарок: велосипед «Школьник». С виду ещё крепкий, зелёный, с толстыми шинами и рулём, чуть отвёрнутым в сторону.Вовка обмер.Он видел велосипеды у старших ребят, но своего никогда не было. А тут — настоящий, железный, на колёсах! Стоит во дворе, сверкает чёрным лаком на раме, только спицы чуть погнуты.— Садись, — сказала мама.Вовка попробовал. Но ноги не доставали до педалей. Сиденье слишком высокое, руль — почти у подбородка. Он сполз вниз, чуть не завалился.— Не допрыгает, — заметил тот мужчина. — Надо чтото придумать.Мама достала старую подушку. Примотала её тряпками прямо к раме, повыше, чтобы Вовка мог сидеть, а ногами хоть както дотягиваться до педалей.— Будешь учиться.4. ПЕРВЫЙ РАЗ.Учиться оказалось больно.Велосипед шатался, руль норовил вывернуться, а когда педали крутанулись — Вовка со всего маху ударился коленкой о раму. Хорошо, что та самая подушечка была на месте — иначе синяки бы-

ли бы по самые рёбра.Сначала он просто садился и катился вниз по улице. Разгонялся с бугорка, вытягивал ноги, чтобы не задеть землю, и летел, сжимая руль до скрипа. Сердце ухало в пятки, ветер свистел в ушах.Падал много. Один раз даже порвал штаны и ободрал ладонь. Бабушка только охнула, промыла ранку марганцовкой и завязала бинтом.— Ничего, казак, — сказала мама. — Научишься.И он научился. Сначала держаться прямо, потом крутить педали, потом поворачивать. Ещё через неделю уже носился по всему хутору, как заправский гонщик.Санька завидовал. Просил прокатиться. Вовка иногда давал — велосипед всётаки общий, дружеский, не жалко. Они ездили на нём по очереди, а то и вдвоём — один на раме, другой на багажнике. И мчались в степь, оставляя за собой длинный пыльный след.Взрослые, бывало, глядели вслед и улыбались.— Гляди, наши атаманы поехали, — смеялись соседки.А Вовка чувствовал себя почти свободным. Не нужны ни взрослые, ни подсказки. Только дорога, ветер и железный конь, который слушается руля.

5. ОТЦА НЕ ПОМНИЛОтца Вовка не помнил. Родители разошлись, когда ему было два года. Дело житейское.Работы в хуторе не было, и мама уехала в Таганрог. Там устроилась киномехаником в небольшой клуб. Крутила фильмы. Вовка, когда приезжал в город, мог смотреть кино сколько угодно — бесплатно, хоть каждую ночь. Это было здорово.На хуторе тоже был клуб — деревянное здание с потрескавшейся афишей на дверях. Там иногда крутили старое кино: «Ча-

паева», «Александра Невского», какието трофейные ленты. Вовка смотрел, затаив дыхание.Но там, на хуторе, кино было редко, раз в месяц. А мама могла смотреть каждый день. И это казалось почти волшебным.

6. В ГОСТЯХТот мужчина, что приезжал с мамой, не задержался. Погостил дня три, помог по хозяйству, попробовал бабушкиных пирожков и уехал. Мама вернулась с ним в Таганрог, а велосипед оставила Вовке.— Будешь гонять, — сказала на прощание. — А как подрастёшь — приезжай к нам, я устрою тебя в техникум.Вовка кивнул. Он не знал, захочет ли в техникум. Пока ему хватало степи, велосипеда и Саньки.

7. ХУТОРСКАЯ ЖИЗНЬВовке было шесть с половиной. До школы ещё далеко, а здесь, на хуторе, каждый день — приключение. Утром — во двор, к коровам, потом завтрак из парного молока с краюхой хлеба, и — на улицу.Степь начиналась сразу за плетнём. Трава по пояс, в воздухе дрожит марево, кузнечики стрекочут так, что уши закладывает. Вовка бродил по двору, помогал бабушке то воду принести, то дров наколоть (топор был великоват, но он справлялся), то подоить корову — садился на скамеечку и тянул за соски, а молоко звонко било в ведро.Вечерами пахло лепёшками. Бабушка ставила дежу, месила тесто, и по всей хате разносился этот сладкий, чуть кисловатый дух. Вовка крутился рядом, выпрашивал кусочек сырого теста — его бабушка называла «затируха» — и жевал, прилипая пальцами.Перед сном они

садились на крыльцо. Бабушка курила самосад, Вовка прижимался к её тёплому боку. Звёзды над степью висели низко, будто их можно достать рукой. Пахло чабрецом и увядающими травами.— Бабуль, расскажи сказку, — просил Вовка.— Спи, казак, — отвечала бабушка. — Завтра день большой будет.

8. НАХОДКА.В то лето стояла необычная жара. Степь выгорела так, что даже ковыль стал колючим и ломким. Спасались только в балке, у ручья, где воздух был хоть немного влажным.Соседский мальчишка, Санька, прибежал сломя голову:— Вовка! Бежим! Я такое нашёл!Он тащил его за собой к старому заброшенному погребу, что чернел ямой на краю хутора. Земля вокруг была изрыта — то ли окопы, то ли воронки. Бабушка говорила, здесь проходил фронт.Санька спрыгнул вниз, повозился в куче сухой земли и вытащил…Ржавый, в земле, в песке и какой-то трухе, лежал пулемёт.Настоящий. Немецкий. , со ржавым стволом, с прикладом, который уже почти рассыпался. Но форма, но тяжесть, но само ощущение — оружие!— Трофей, — выдохнул Вовка. — Наш трофей.Они на руках выволокли находку на свет. Им было неважно, что он не стреляет, что части давно сгнили и отваливаются. Он пах войной, землёй, той самой историей, которую они слышали от бабушек и дедов.

9. ПОЗИЦИЯВ тот же день они оборудовали позицию. Выбрали небольшой пригорок на въезде в хутор, откуда хорошо просматривалась и балка, и поле, и старая просёлочная

дорога.Натаскали мешков, веток, досок. Пулемёт установили в «амбразуру» — между двумя кривыми кольями. Замаскировали бурьяном.— Теперь мы — защитники хутора, — сказал Санька важно. — Ни один фриц не пройдёт.— А если пойдут танки? — спросил Вовка.— А мы из пулемёта по смотровым щелям. И гранаты будем делать из жёлудей.Так началась их война. Война, в которой не гибли, не плакали, но которая была настоящей до дрожи.

10. ОБОРОНАВесь август они «держали оборону». Пасли коров по очереди: сегодня Вовка с бабушкой, завтра Санькина мать. А в свободные дни — бегом на позицию.Сзади, на пригорке, сидели с пулемётом, смотрели вдаль. Каждый шорох казался подозрительным. Каждая машина на просёлке — вражеским мотоциклом. Даже старый трактор, что тарахтел в поле, превращался в их воображении в танк.Иногда приходили другие пацаны. Приносили свои «трофеи» — гильзы, пробитую каску, ржавый штык-нож. Расширяли окопы, рыли ходы сообщения. В хуторе взрослые только посмеивались: играют дети, и ладно.А дети не играли. Они помнили. Не войну — они её не застали. А помнили тех, кто не вернулся. Бабушка Вовкина, бывало, выйдет на крыльцо, посмотрит в сторону позиции, вздохнёт. И не прогоняла. Только скажет:— Ты, Вовк, хоть не очень там пали. А то занеможете.Потому что сама знала: эту войну забыть нельзя. Даже в игре.

11. ВЕСНАВесной степь просыпалась. Сначала жёлтые

тюльпаны, потом красные пионы, а там и ковыль пошёл. Вовка бегал по лугу, собирал букеты бабушке — ставила их в глиняную крынку, и они стояли до тех пор, пока не облетят.В мае приезжала мама. Привозила гостинцы — пряники, конфеты-подушечки, иногда новую рубашку. Гостила недолго, дня три, и снова уезжала в Таганрог.— Скоро ты уже в школу пойдёшь, — говорила она. — Будешь большой, грамотный.Вовка кивал, но в школу не хотел. Ему и здесь было хорошо.

12. БАБУШКАТо лето выдалось особенно жарким. Даже в хате не спасались — стены пропеклись насквозь. Бабушка часто сидела в тени, под навесом, и задумчиво глядела в степь.— Уморилась я чтото, Вовк, — сказала она однажды. — Годы мои.Он тогда не понял. Потом кашель. Потом слабость. Бабушка перестала выходить во двор, лежала на кровати, укрытая старым одеялом. Приезжал фельдшер из соседнего села, качал головой, выписывал какието порошки.— В город бы её, в больницу, — говорил соседкам.Но бабушка не хотела. Отмахивалась:— Не привередничайте, я тут оклемаюсь.Вовка сидел рядом, держал её сухую горячую руку. Приносил воду, подавал таблетки. Старался не шуметь, не бегать, не звать друзей.

13. ОСЕНЬБабушка умерла в сентябре, когда Вовке почти исполнилось семь.Он плохо помнит тот день. Только как плакала мама, как приходили соседки, как пахло ладаном и сырой землёй. Гроб был сосновый, некрашеный. Вовку под-

вели к нему, сказали: «Прощайся».Он не заплакал. Не мог. Только смотрел на бабушкино лицо — спокойное, чужое, уже не её.Потом — похороны. Кладбище на пригорке, крест, свежая могила. Мама держала Вовку за плечи, а он всё смотрел в степь.

14. ОТЪЕЗДЧерез неделю мама собрала вещи.— Поехали, сынок. В город. Жить будем.Вовка молчал. Он смотрел на хату, на плетень, на двор, где ещё лежал его велосипед. На степь, которая прощалась с ним тихим ветром.Санька прибежал прощаться. Постояли молча, потоптались. Потом Санька сунул Вовке какойто ржавый патрон — сувенир.— Приезжай, — сказал. — Пулемёт наш я покараулю.Вовка кивнул.Машина тронулась. В зеркале заднего вида хутор всё уменьшался, пока не превратился в точку.А впереди ждал Таганрог…

Глава 2. Собачеевка.

1. ДРУГАЯ ВСЕЛЕННАЯ

От хутора до Таганрога — сто двадцать километров. Но Вовке показалось, что он попал в другую вселенную.

Там — степь. Здесь — дома, заборы, дымы из труб, провода, крики петухов из-за каждого угла. И запах. Не горьковатый, полынный, а влажный, с примесью угля, моря и чего-то ещё незнакомого.

Район назывался Собачеевка.

— Почему так? — спросил Вовка у мамы.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Может, собак много. Не забивай голову.

Но голова забивалась. Собачеевка — звучало почти как ругательство, а на деле было обычным частным сектором. Узкие переулки, покосившиеся заборы, сараи, дровяные кучи, будки с цепными псами, которые лаяли на каждый шаг.

Здесь им предстояло жить.

2. ФЛИГЕЛЬ БАБЫ МАРФЫ

Мама с папой Витей снимали флигель во дворе у старухи, которую все звали баба Марфа. Флигель — это громко сказано. Комнатка с печью, сени и крохотная кухонька, где пахло керосином и жареным луком.

— Вот здесь будем жить, — сказала мама. — Тесно, зато своё.

Папа Витя — невысокий, в кепке, с улыбчивыми глазами — помог занести вещи. Вовка сначала мялся. Отчима он видел второй раз в жизни. Первый — когда тот приезжал на хутор и привозил велосипед.

— Ну что, мужик, — сказал папа Витя. — Будем знакомиться заново. Можешь звать меня папой. Если хочешь.

Вовка подумал. Он вообще был покладистый и рассудительный — так говорила ещё бабушка. Взвесил: человек добрый, маму не обижает, а слово «папа» короче, чем «папа Витя».

— Ладно, — кивнул он. — Папа.

— Вот и ладно, — улыбнулся тот. — Тогда разгружайся

и пошли ужинать.

Баба Марфа, сухонькая, с крючковатым носом и вечной папироской в зубах, жила в большом доме и во флигель почти не заходила. Но иногда стучала в окошко:

— Эй, квартиранты! Воду не разливайте, уголь берегите.

Мама кивала: «Хорошо, Марфа Степановна». Вовка бабу Марфу немного побаивался и обходил стороной.

3. СЕСТРЁНКА

Мама скоро должна была родить. Вовка не очень понимал, как это устроено, но знал: там, внутри, уже живёт кто-то маленький и родной.

После бабушкиной смерти ему было очень тоскливо. В степи на хуторе каждый угол напоминал о ней. А здесь, в Собачеевке, тоска притихла. Может, потому что приходилось много бегать, помогать, привыкать. А может — потому что скоро должно было появиться что-то новое, светлое.

Вовка ждал сестрёнку, как ждут лета после долгой зимы.

И вот однажды его отправили ночевать к соседям. А утром папа Витя пришёл весёлый, взъерошенный:

— Ну, Вовка, поздравляю. Сестра у тебя. Лариса. Лариса Витальевна — это по документам. А для тебя — просто Лариска.

Вовка на цыпочках зашёл в комнату. Мама лежала, уставшая, но улыбалась. А рядом, завёрнутый в старую простыню, лежал свёрток. Из свёртка торчало крошечное лицо с прикрытыми глазами.

— Здравствуй, Лариска, — прошептал Вовка.

И в этот момент он вдруг почувствовал: я больше не один. У меня есть сестра. И мы — семья.

4. НЯНЬКА

Маленькая Лариска оказалась существом требовательным. Она ела, спала, агукала, гулила, плакала, требовала внимания. И пахла она не так, как все взрослые — а как-то по-особенному, тёплым молоком и чем-то родным.

Мама крутилась целыми днями: стирка, готовка, уборка, пелёнки. Папа Витя пропадал на заводе, ему выделяли половину оплаты за флигель, поэтому жить было можно, не очень дорого. Но денег всё равно не хватало, и мама вскоре собиралась выходить на работу.

— Вов, — сказала она однажды. — Будешь мне помогать.

И Вовка стал помогать. Сначала — просто подать пелёнку, принести бутылочку. Потом научился пеленать. Это оказалось целой наукой: ручку так, ножку так, завернуть, подоткнуть, чтобы не развернулась.

— Ты моя правая рука, — говорила мама.

И Вовка гордился. Ещё бы — он теперь нянька. Почти взрослый.

Он пел Лариске песни, которые слышал от бабушки. Рассказывал про степь и про пулемёт. Лариска слушала внимательно, шевелила губами, будто хотела что-то сказать в ответ. Иногда даже улыбалась — Вовка уверял, что не просто так, а ему.

5. ЗИМА

Так пролетела зима. Незаметно, в заботах и хлопотах.

Печь надо было топить каждый день. Уголь приносили из сарая, в вёдрах. Снег расчищали деревянной лопатой — от крыльца до калитки и дальше, к уборной. Вода в ведре к утру замерзала. Вовка просыпался, ёжился под одеялом и бежал к печи — греться спиной.

А потом пришли простуды.

На хуторе Вовка не болел почти никогда. Степной воздух, парное молоко, бабушкины травяные отвары — там хворь обходила стороной. А здесь, в городе, климат другой: сыро, ветрено, сквозняки изо всех щелей.

Сначала закашляла Лариска. Потом мама. Потом Вовка слёг с температурой. Лежал под одеялом, смотрел в потолок и вспоминал, как на хуторе пил липовый чай с мёдом.

— Ничего, — сказала мама, ставя ему горчичники. — Адаптируешься. Это просто акклиматизация.

Слово было длинное и непонятное. Но горчичники жгли, и Вовка терпел. Он теперь был взрослый.

6. ДВОРОВАЯ БРАТИЯ

Когда сестрёнка засыпала и мама справлялась сама, Вовка выскакивал на улицу.

Двор в Собачеевке был один на всех. И ребятни в нём — целая ватага.

Главные пацаны: Игорь, Толя, Петя, Валера. Все примерно одного возраста, все жили по соседним флигелям и доми-

кам. Девчонки тоже имелись — Света и Лида, — но в снежки и санки Вовка предпочитал играть с пацанами.

Игры были простые, как везде. Снежки лепили плотные, до синяков. Санки — фанерки, привязанные к верёвке, — летели с горки так, что дух захватывало. Снеговики получались кривоватые, с угольками вместо глаз и морковкой-недомерком.

Однажды случилась оттепель. Снег осел, стал рыхлым. По канаве вдоль переулка текла вода, а поверх плавали куски льда — небольшие, но крепкие.

— Пацаны! — крикнул Игорь. — Давайте на льдинах кататься!

Идея была опасная, но в шесть лет про опасность не думаешь.

Они прыгали на льдины по очереди. Льдина держалась пару секунд, потом переворачивалась, и седок уходил под воду по колено. Визг, хохот, брызги во все стороны.

Вовка тоже прыгнул. Льдина под ним хрустнула, накренилась — и он, взмахнув руками, рухнул в ледяную жижу. Вода хлынула в сапоги, за шиворот, даже в рукава.

— Вовка утоп! — заржал Петя.

— Сам ты утоп, — отплевывался Вовка.

Мокрые, перемазанные, они побежали к Толику. Тот жил ближе всех, и родители у него были на работе. Дома — никого.

— Заходите, — скомандовал Толя. — Только тихо, соседи

услышат.

Сушились у печи, развесив на табуретках мокрые штаны и носки. Толик заварил чай — Вовка впервые видел, чтобы пацан сам ставил чайник. Пили по очереди из одной кружки. Было весело, холодно и как-то очень по-пацански.

Никто никому не наябедничал. Это было главное правило.

7. ПОДГОТОВИШКА

В начале лета мама сказала:

— Вов, осенью в школу. А пока — будешь ходить на подготовительные курсы.

— Зачем? — насупился Вовка. — Я и так всё знаю.

— Читать-писать-считать надо учиться. Это тебе не в снежки играть.

Делать нечего. Три раза в неделю Вовка отправлялся в школу — длинное двухэтажное здание с облупленной штукатуркой и гулким коридором, пахнувшим краской и мелом.

Их, подготовишек, набралось человек двадцать. Учительница — молодая, в очках, с фамилией Кузнецова — рассаживала за парты, раздавала буквари и тетради в косую линейку.

Читать Вовка немного умел — бабушка показывала буквы. Но тут оказалось, что надо не просто узнавать буквы, а складывать их в слоги, а слоги — в слова. Слова получались корявые, непослушные.

— «Ма-ма мы-ла ра-му», — бубнил Вовка, водя пальцем

по строчке.

— Молодец, — кивала Кузнецова. — А теперь пишем палочки.

Палочки — это отдельная мука. Они разбегались из-под пера, ломались, вылезали за линейки. Ручка была перьевая, её макали в чернильницу-непроливайку, и кляксы ставились чаще, чем буквы.

Счёт давался легче. Но всё равно — учёба оказалась делом тяжёлым. Вовка вздыхал, но понимал: надо. Раз надо — осилим. Он вообще был парень упорный.

8. ЛЕТО

А когда курсы кончались — начиналась жизнь.

Лето выдалось жаркое, пыльное, с тополиным пухом, который лез в нос и глаза. Собачеевка прогревалась насквозь, но зато во дворах цвели вишни и пахло яблоками из соседского сада.

Игр было не счесть. «Колдун» — это когда водящий догоняет, а если осалил — замирай на месте и жди, пока расколдуют. «Жмурки» — с завязанными глазами, на ощупь, под визг и хохот. «Латки» — те же догонялки, только без колдовства, на скорость и ловкость. Вовка носился с пацанами до темноты, пока мама не крикнет:

— Вовка! Домой! Лариску купать!

И он возвращался — взмыленный, довольный, с ссадинами на коленках.

Пару раз выбирались на море. Это было целое путеше-

ствие: пешком через весь город, с полотенцами и свёртками еды. Море встретило запахом водорослей и йода, шумом прибоя, мокрым песком под пятками. Вовка, выросший в степи, где вода — только ручей в балке, смотрел на эту бескрайнюю синеву и не мог поверить: вот оно, море. Настоящее. Можно плескаться, нырять, хлебать солёную воду носом и долго потом сидеть на тёплых камнях, обсыхая под солнцем.

— Вот это да-а-а, — выдохнул он.

И пацаны гордились, что их новый друг не плавает ещё, но уже не боится. А Вовка думал: море — это почти как степь, только мокрое.

К августу на новом месте стало привычнее. Собачеевка перестала быть чужой. Каждая канава — знакомая, каждая собака — по имени. Даже баба Марфа иногда угощала пирожком и говорила:

— Хороший пацан, хозяйственный.

Вовка кивал: да, хозяйственный. Он теперь и печь топит, и пеленает, и палочки пишет. Взрослый человек.

А впереди была школа. Первый раз в первый класс.

Глава 2

ГЛАВА 2. СОБАЧЕЕВКА

1. ДРУГАЯ ВСЕЛЕННАЯ

От хутора до Таганрога — сто двадцать километров. Но Вовке показалось, что он попал в другую вселенную.

Там — степь. Здесь — дома, заборы, дымы из труб, провода, крики петухов из-за каждого угла. И запах. Не горьковатый, полынный, а влажный, с примесью угля, моря и чего-то ещё незнакомого.

Район назывался Собачеевка.

— Почему так? — спросил Вовка у мамы.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Может, собак много. Не забивай голову.

Но голова забивалась. Собачеевка — звучало почти как ругательство, а на деле было обычным частным сектором. Узкие переулки, покосившиеся заборы, сараи, дровяные кучи, будки с цепными псами, которые лаяли на каждый шаг.

Здесь им предстояло жить.

2. ФЛИГЕЛЬ БАБЫ МАРФЫ

Мама с папой Витей снимали флигель во дворе у старухи, которую все звали баба Марфа. Флигель — это громко сказано. Комнатка с печью, сени и крохотная кухонька, где пахло керосином и жареным луком.

— Вот здесь будем жить, — сказала мама. — Тесно, зато

своё.

Папа Витя — невысокий, в кепке, с улыбчивыми глазами — помог занести вещи. Вовка сначала мялся. Отчима он видел второй раз в жизни. Первый — когда тот приезжал на хутор и привозил велосипед.

— Ну что, мужик, — сказал папа Витя. — Будем знакомиться заново. Можешь звать меня папой. Если хочешь.

Вовка подумал. Он вообще был покладистый и рассудительный — так говорила ещё бабушка. Взвесил: человек добрый, маму не обижает, а слово «папа» короче, чем «папа Витя».

— Ладно, — кивнул он. — Папа.

— Вот и ладно, — улыбнулся тот. — Тогда разгружайся и пошли ужинать.

Баба Марфа, сухонькая, с крючковатым носом и вечной папироской в зубах, жила в большом доме и во флигель почти не заходила. Но иногда стучала в окошко:

— Эй, квартиранты! Воду не разливайте, уголь берегите.

Мама кивала: «Хорошо, Марфа Степановна». Вовка бабу Марфу немного побаивался и обходил стороной.

3. СЕСТРЁНКА

Мама скоро должна была родить. Вовка не очень понимал, как это устроено, но знал: там, внутри, уже живёт кто-то маленький и родной.

После бабушкиной смерти ему было очень тоскливо. В степи на хуторе каждый угол напоминал о ней. А здесь, в Со-

бачеевке, тоска притихла. Может, потому что приходилось много бегать, помогать, привыкать. А может — потому что скоро должно было появиться что-то новое, светлое.

Вовка ждал сестрёнку, как ждут лета после долгой зимы.

И вот однажды его отправили ночевать к соседям. А утром папа Витя пришёл весёлый, взъерошенный:

— Ну, Вовка, поздравляю. Сестра у тебя. Лариса. Лариса Витальевна — это по документам. А для тебя — просто Лариска.

Вовка на цыпочках зашёл в комнату. Мама лежала, уставшая, но улыбалась. А рядом, завёрнутый в старую простыню, лежал свёрток. Из свёртка торчало крошечное лицо с прикрытыми глазами.

— Здравствуй, Лариска, — прошептал Вовка.

И в этот момент он вдруг почувствовал: я больше не один. У меня есть сестра. И мы — семья.

4. НЯНЬКА

Маленькая Лариска оказалась существом требовательным. Она ела, спала, агукала, гулила, плакала, требовала внимания. И пахла она не так, как все взрослые — а как-то по-особенному, тёплым молоком и чем-то родным.

Мама крутилась целыми днями: стирка, готовка, уборка, пелёнки. Папа Витя пропадал на заводе, ему выделяли половину оплаты за флигель, поэтому жить было можно, не очень дорого. Но денег всё равно не хватало, и мама вскоре собиралась выходить на работу.

— Вов, — сказала она однажды. — Будешь мне помогать.

И Вовка стал помогать. Сначала — просто подать пелёнку, принести бутылочку. Потом научился пеленать. Это оказалось целой наукой: ручку так, ножку так, завернуть, подоткнуть, чтобы не развернулась.

— Ты моя правая рука, — говорила мама.

И Вовка гордился. Ещё бы — он теперь нянька. Почти взрослый.

Он пел Лариске песни, которые слышал от бабушки. Рассказывал про степь и про пулемёт. Лариска слушала внимательно, шевелила губами, будто хотела что-то сказать в ответ. Иногда даже улыбалась — Вовка уверял, что не просто так, а ему.

5. ЗИМА

Так пролетела зима. Незаметно, в заботах и хлопотах.

Печь надо было топить каждый день. Уголь приносили из сарая, в вёдрах. Снег расчищали деревянной лопатой — от крыльца до калитки и дальше, к уборной. Вода в ведре к утру замерзала. Вовка просыпался, ёжился под одеялом и бежал к печи — греться спиной.

А потом пришли простуды.

На хуторе Вовка не болел почти никогда. Степной воздух, парное молоко, бабушкины травяные отвары — там хворь обходила стороной. А здесь, в городе, климат другой: сыро, ветрено, сквозняки изо всех щелей.

Сначала закашляла Лариска. Потом мама. Потом Вовка

слёг с температурой. Лежал под одеялом, смотрел в потолок и вспоминал, как на хуторе пил липовый чай с мёдом.

— Ничего, — сказала мама, ставя ему горчичники. — Адаптируешься. Это просто акклиматизация.

Слово было длинное и непонятное. Но горчичники жгли, и Вовка терпел. Он теперь был взрослый.

6. ДВОРОВАЯ БРАТИЯ

Когда сестрёнка засыпала и мама справлялась сама, Вовка выскакивал на улицу.

Двор в Собачеевке был один на всех. И ребятни в нём — целая ватага.

Главные пацаны: Игорь, Толя, Петя, Валера. Все примерно одного возраста, все жили по соседним флигелям и домикам. Девчонки тоже имелись — Света и Лида, — но в снежки и санки Вовка предпочитал играть с пацанами.

Игры были простые, как везде. Снежки лепили плотные, до синяков. Санки — фанерки, привязанные к верёвке, — летели с горки так, что дух захватывало. Снеговики получались кривоватые, с угольками вместо глаз и морковкой-недомерком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.